

ВАЛЕРИЙ ПИКУЛЕВ

КОШМАР И ИСКУШЕНИЯ «ЛИХИХ»

«ДЕВЯНОСТЫЕ»:
КАК ЭТО БЫЛО В РОССИИ

Валерий Пикулев

**Кошмар и искушения
«лихих». «Девяностые»:
как это было в России**

«Издательские решения»

Пикулев В.

Кошмар и искушения «лихих». «Девяностые»: как это было
в России / В. Пикулев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932478-8

В книге отражена судьба одного из миллионов россиян во времена «лихих девяностых». Кошмар перестройки: развал страны; неплатежи; продукты по талонам; рэкет и подкуп; охранные службы, схожие с отрядами «наци»; повальная магия и искушения — и не только деньгами, властью и славой... — Вот «параметры» тех лет! Девяностые ушли. Но главный вопрос для России остаётся: каким же путём идти дальше. — «Западным»? Он лжив! — «Национальным»? Он столкнёт в ужас гражданской войны! Так каким же?

ISBN 978-5-44-932478-8

© Пикулев В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1. Финиш: крушение надежд	7
2. На пути к финишу: в дебрях эзотерики	13
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кошмар и искушения «лихих» «Девяностые»: как это было в России

Валерий Пикулев

© Валерий Пикулев, 2018

ISBN 978-5-4493-2478-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В книге отражены моменты жизни одного из миллионов российских технических интеллигентов – «технарей», попавших в жернова «лихих девяностых». Кошмар последствий «Перестройки», – развал России, чуть было не ставший последним аккордом в истории некогда Великой Державы, – не плод фантазии автора, а всего лишь воспоминания, облачённые в литературные формы.

Многომесячные задержки заработной платы (неплатежи); продукты в магазинах по талонам; стремление любой ценой «всплыть» на зыбкой волне удачи, не считаясь ни с совестью, ни с судьбами других людей; рэкет; подкупные чиновники и лицемерие местечковой власти, вещающей о всеобщих трудностях и втихомолку строящей себе дворцы за глухими заборами; военно-спортивные «охранные» отряды, так схожие с отрядами «наци»; повальное увлечение магией, эзотерикой и мракобесием всех форм... И искушения. Да-да, искушения, – и не только деньгами, властью или славой, а куда более возвышенными, духовными устремлениями. – Вот неполный перечень «параметров» тех, уже далёких, лет!

Девяностые прошли, канули в лету. Однако, главный вопрос для России так и остался без ответа: каким же путём идти дальше? – «Западным»? Нет: он крив и обманчив! «Национальным» путём? Тоже нет: он столкнёт в ужас гражданской войны! Так, каким же?

1. Финиш: крушение надежд

С работы шёл не бойко, а точнее, плёлся, еле волоча ноги: путь известен до мелочей, спешить некуда и незачем, да и настроение не то, чтобы спешить. Ветер, не утихавший весь день и довольно ловко толкавший в спину утром, подгоняя на работу, дул теперь прямо в лицо, заставляя щуриться и то и дело вытирать намокшим платком слезившиеся глаза. Его порывы, пропитанные дождём и мокрым снегом, так и норовили опрокинуть шедших по скользкой хляби редких прохожих, заставляя их то останавливаться, то вновь семенить, спеша к спасительным островкам оттаявшей прошлогодней зелени газонов. Ничего не поделаешь: обычная мартовская оттепель.

Старые зимние сапоги – бедолага называл их в шутку полупроводниковыми, – действительно, обладали односторонней проводимостью, хорошо пропускала воду в одном направлении и никогда в другом. «В соответствии с направлением вектора градиента концентрации влаги, – подумал, криво усмехнувшись, – будь она... эта наука!» Застылые пальцы ног уже давно ощущали этот самый... градиент.

Путник поднял воротник уже порядком намокшего демисезонного пальто и поёжился, ощутив неприятную волну противной мелкой дрожи, пробежавшую по спине сверху вниз.

Итак, старший научный сотрудник одного из Закрытых Акционерных Обществ (ЗАО), – из тех, что не вписались в «мёртвые петли» конверсии, – как говорится, «дошёл до ручки». Вернее, дошёл он не сам, – его «дошли». Довели опытные и многоумные кукловоды Перестройки.

Вот уже пятый месяц, как перестали выплачивать зарплату: живи как хочешь и на какие хочешь! А не хочешь, так никто и не просит, собственно... Ну и живёт он всё это время на родительскую пенсию да на жалкую и редкую халтуру. А сегодня...

Сегодня, удручённый неплатежами не менее своих сотрудников Генеральный Директор ЗАО решился-таки провести общее собрание (которого требовали от него уже второй месяц), и в течение целого часа нудно и весьма доходчиво объяснял коллективу: почему в марте не следует ждать зарплаты за октябрь.

Да, всё было понятно, всё предельно ясно. Не было одного: денег за давно выполненную работу! Не было денег, и всё тут! А в конце директор как бы вскользь, так, между прочим, по-свойски, добавил, что ежели кто ждать более не намерен, то и задерживать его не будут...

Перейдя улицу на красный сигнал светофора, – по зелёному лучше и не соваться: машины, делающие с отчаянным визгом правый поворот, идут непрерывным потоком, – измотанный путник остановился перевести дух. Им уже давно была замечена такая привычка: переводить дух при ходьбе. Старость, что ли, накатывает?

«Ну, а если б даже и выплатили, то что ж? – рассуждал он, шевеля беззвучно губами – ... долги лишь отдать! Зарплата-то зарплата: семьсот – смех один! И это у старшего научника! Это почти в пятьдесят-то лет!»

Из всех рядовых сотрудников конторы никто не получал менее пятисот, но и более семисот рублей – тоже никто. А вот, начальник отдела (состоявшего из семи человек) – это уже другое дело! Начальник отдела, незатейливый мужичок, задвинутый в начальство на исходе шестого десятка (за покладистость), – да и то после того лишь, как его предшественник умотал во Францию «для воссоединения семьи», – тому платили уже тысячу семьсот; и на работу он являлся иногда «выпимши». Видимо, совесть была у человека; и, похоже, бывали дни, когда не позволяла она, эта совесть, лицезреть на трезвую голову унылые глаза сослуживцев. Ну, да и ладно, мужик хоть нормальный, не ровня бывшему высокомерному индюку!

А зарплата разных там директоров... – о ней и говорить-то страшно. И, главное: при получении денег никто теперь не расписывался в общей ведомости, как бывало в старые времена, – каждому совали под нос отдельную бумажку, а там всё открыто написано: сколько этот

сотрудник получил за январь, за февраль... за декабрь. Но, сколько получил другой? Как распределили премию? – Это уже ни-ни! Ничего не поделаешь, «гласность»!

Взглянув на хмурое небо, на низкие серые тучи, он снова, съёжившись, поправил поднятый воротник и побрёл дальше, выбирая места посуше.

Ему вспомнилось, как начинал когда-то техником, за семьдесят рублей, как стал инженером за сто двадцать, закончив с отличием вечерний институт и тут же сменив место работы (не желая зимой отправляться в подшефный колхоз строить жильё для летних десантов). Вот так, фыкнул и ушёл, не заботясь о новом месте. А через год, уже на другой работе, его сделали старшим.

Вспомнилось, как потом был назначен ведущим инженером, с окладом в двести двадцать; и ему стали доверять особо сложные разработки. Ну а после заочной аспирантуры, защитив кандидатскую, уже получал триста, – и на него стали замыкаться все сложные расчёты отделения! И это – не становясь начальником! Вот когда был настоящий стимул для роста: больше опыта, больше знаний – выше зарплата!

А начальники? По зарплате они отличались немногим, – просто начальник (даже неважно какой: лаборатории, отдела, отделения) – двести сорок! А начальник со степенью – уже четыреста! Отличия были в премиях по завершению рабочих тем, но они случались нечасто. И начальство уважали, а если и не очень... некоторых, то побаивались, тем не менее, – сам побывал в их шкуре, пока Перестройка не раскидала всю его лабораторию. —

Один из его ведущих, что побойчее, пивом пошёл торговать, а другой подался в ученики газосварщика... благо, стипендия была вдвое выше зарплаты ведущего инженера.

Теперь, правда, начальство тоже боятся... «Сейчас, если не работаешь в инофирме какой-нибудь, то и знания-то повышать ни к чему! А кто тебя ждёт в инофирме?! Теперь, ежели хочешь зашибать деньги... – зло подумалось, – пробивайся в начальство или становись отморозком. Теперь только так!»

Он бросил взгляд на парк, хмуро темнеющий вдаль, за пустырь, на ровную стену сосен и елей... и вдруг пришла на ум простая и оригинальная мысль: закон ограничения максимума, так чётко и хорошо работающий в природе! Закон этот, как ни крути, виден в ней повсюду, стóит лишь присмотреться повнимательнее, стóит всего лишь подумать немного. – В лесу, скажем, растут разные деревья: большие, поменьше, совсем маленькие; пока молод – тянись за старшими под их опекой, пробивай себе дорогу сквозь гущу ветвей более высоких собратьев! Но если пробился наверх – не кичись, не возвышайся, иначе будешь загораживать солнце другим, или самого сломает ветер!

И действительно: отойдя от леса подальше, откуда видны лишь самые высокие деревья, мы видим их ровную монолитную стену. Не так ли должно быть и в обществе?! В здоровом – так!

От напряжения, вызванного длительной ходьбой по скользкому льду, ощутилась усталость и, прислонившись к дереву на газоне, решил он передохнуть немного...

«Это во сколько же раз они меня опустили?» – вдруг ударила в голову блажь определить своё нынешнее положение с математической точностью, без балды. ... Определить положение не какого-то там контингента, социального слоя или электората, а его, – именно, его! – личное положение. Даже присел на мокрую скамейку, стоявшую под деревом, – дома всё равно придётся основательно сушиться – и погрузился в вычисления:

«Если взять доллар, то он уже тянет на двадцать два рубля, а когда-то стоил шестьдесят три копейки...» – прикинул он и тут же спохватился: после обвала жизнь и вправду подорожала, но не во столько же раз! Да и не хотелось, по правде-то говоря, мерить какую ни есть убогую, но всё же, русскую жизнь, фальшивой заморской монетой. Вдруг стало понятно, что надо искать другой показатель; и умение мыслить аналитически подсказывало, что таковой должен «иметь место быть».

«Ну, конечно же, – стоимость хлеба! Ведь, хлебушек-то все едят, и каждый день! И производят-то его не в одном месте, а по всей стране. И хранят в разных местах, и пекут... Значит, в стоимости хлеба отражено всё: и производство, и транспортные расходы... и вся такая муть», – даже на душе потеплело: кажется, он нашёл, и в самом деле, не слабый показатель.

А кроме того, хлеб – стратегический продукт: им можно торговать и делать запасы впрок в виде зерна. Да и ценой его нельзя шибко манипулировать: занизишь цену – разоришь производство, а это приведёт к хлебным бунтам; завысишь искусственно – тоже начнутся бунты. Да, хлеб, по-видимому, действительно, был самым надёжным и точным показателем... падения!

И тут же пошли вычисления: традиционный набор (хлеб и батон) раньше стоил, в среднем, тридцать восемь копеек, а сейчас – шесть рублей, семьдесят копеек. Значит, стоимость жизни возросла... – пришлось напрячь свои недюжинные математические способности, – она возросла в семнадцать с половиной раз! А его зарплата (с учётом квартальных премий в прошлом и инфляции из-за неплатежей в настоящем), увеличилась с четырёхсот до семисот: в один и семьдесят пять сотых раза, – он присвистнул: значит, его опустили в десять раз! Вот так-то!

Нехотя поднявшись со скамейки и тяжело вздохнув, путник не сразу возобновил шествие по своему скользкому пути. После передышки дорога оказалась ещё более трудной: пришлось снова приобретать утраченный опыт хождения по льду. Засеменил было, разбрызгивая воду, но затем пошёл уже более уверенным шагом, прибавляя скорость...

В голове, появляясь и исчезая, вновь закрутилась какая-то чертовщина: обрывки давнего сна, тесно переплетённые с явью, преследовавшие его уже не впервые. Он не помнил, когда это с ним началось, а главное, – с чего. Потёр старый шрам на левой руке, чуть выше запястья... и тут же в памяти всплыл тот день и никчёмная странная лесная находка... – всплыло и вновь утонуло в тёмных глубинах сознания. «Насмотрелся этой гадости по „ящику“ – вот и получил!» – подумалось не без сожаления.

Собственно говоря, это был уже сон наяву. Казалось, он время от времени виделся на протяжении нескольких месяцев и, главное, с развивающимся по каким-то неизвестным законам сюжетом. Временами проходило на несколько дней, на неделю... но порою действительность, – даже свежий воздух близкой весны, как сейчас, например, – настолько ярко напоминала на мгновение обстановку того странного сна, что он с удивлением и с ещё каким-то непонятным смутным чувством старался удержать себя в этой обстановке почти насильно...

Сзади недовольно заурчала машина. От неожиданности вздрогнул и... – и, потеряв равновесие, поскользнулся на покрытом водой бугристом льду...

Уже поднимаясь, вытирая машинально рукой промокшую насквозь брючину и крепко, вслух, матерясь, неудачник боковым зрением заметил иномарку, медленно проползавшую мимо него по пешеходному тротуару.

У светофора, на перекрёстке, образовалась громадная пробка, хвост которой растянулся метров на сто, – и более наглые водители начали объезжать её по пешеходной дорожке, заворачивая направо. Машины так и ползли по тротуару гуськом, словно муравьи по тропе, намеченной разведчиками.

«У-у, подлю-ю-ги! Зверьё поганое! Пле-е-вать им на всё!..» – ему удалось-таки отметить плевком замызганный, покрытый грязными разводами «фольксваген» и всерьёз погрозить ему вслед кулаком, – вот и всё, что мог пока сделать!

А машины тем временем и на тротуаре успели создать пробку, медленно объезжая какое-то препятствие: некоторые из них уже заворачивали на оттаявший газон, недружно взбираясь на возвышенность и напоминая стадо обезумевших от засухи коров, спешивших к водопою.

Подойдя ближе, он не мог совладать с охватившим его чувством злорадства, – в белую «волгу», угодившую передним колесом в открытый люк на тротуаре и задравшую поэтому задницу, впежилась лобовым стеклом «газель», – и от души порадовался, громко расхохотавшись.

«Это сколько же их развелось в городе, козлов, коль на тротуарах – в люки?! – скорее с удивлением, чем с досадой, подумал он, обозревая картину полного падения нравов и приличий, – вроде, говорят, уже за четверть миллиона перевалило: машина, значит, у каждой семьи! А где же деньги берут-то? Ведь, не только мне не платят! Воруют, что ли, – у государства, у таких вот, как я? В этом, значит, дело! Выходит, машина из предмета роскоши превратилась... в источник дохода: извоз и прочее? Так, выходит?»

Припомнились все близкие друзья: из пятерых машины были только у двоих... Что-то здесь не сходилось. Да и транспорт битком набит, как сельди в бочке: ни сесть, ни выйти! А ведь кругом неплатежи! Значит, это он только, дурачок, боится контролёров, пешком ходит – час туда, час обратно! А народ уже не боится.

«А-а, вот оно что: у кого есть своё дело, тот имеет на каждого члена семьи по машине, – сообразил наконец, – значит, надо обзавестись своим делом каким-нибудь, да вот каким только? Кому ж нужны сейчас всякие там... методы вычислений?!» Мысль о «своём деле», уже не раз его посещавшая, снова заставила вернуться к этой теме.

Путник преодолел добрую треть пути и вышел на проспект, вдоль которого завалили все огромные тополя, намереваясь заменить их липами; и из-за этого тенистая некогда трасса выглядела теперь непривычно пустынной, напоминая главную улицу какого-то захолустья на Диком Западе (если судить по голливудским боевикам), – с унылыми рядами пятиэтажных «хрущёб» в серых подтёках...

Взгляд привычно скользнул по витрине магазинчика, в котором, случалась дешёвая «старорусская» колбаса; и можно было отоварить талоны на водку, гречу, на масло, мыло и... – «А, кстати, в пятницу опять за талонами надо в жилконтору переться.»

Взглянув на витрину, рот раскрыл от удивления: Вот это да! – На месте прежней вывески теперь красовалась «Обувь из Беларуси!» Колбасой здесь больше не воняло, а если и шёл запах, то скорее, от искусственной кожи и резины. «Во, песняры развернулись!» – вспомнилось к тому же, что подальше, где раньше было фотоателье, теперь разместились «Обои из Гомеля!», а где-то, в глубине квартала – «Витебские ковры». «Ну, что ж, в Америке ежегодно исчезают две тысячи мелких фирм и столько же появляется новых, – такова динамика здоровой экономики, ничего не поделаешь! А сколько, интересно, у нас лопаются частных фирм за год? Хорошо бы прикинуть», – он задумался в поисках метода оценки.

Это был его конёк: разработка простых и надёжных методов вычислений. Ведь, если имеешь хороший метод, то правильно можно взвесить и на неправильных весах, – была такая задачка в книжке у Перельмана! – а вот если ни в зуб ногой, то и хорошие весы не помогут.

Ему было известно, что вдоль проспекта, с обеих его сторон, размещались около пятидесяти частных «фирм» – иногда с довольно громкими названиями. Чего сто́ит, например, сапожная мастерская «Экспресс» под мигающей разноцветными огоньками вывеской... зажатая в проёме дверей бывшего лабаза. Или салон красоты «Афродита» – в полуподвале одного из жилых домов, из которого частенько валил пар при аварии водопровода...

Вспомнилось, что из этой полусотни фирм четыре за год сменили вывески, – а в микрорайоне вокруг них около сорока домов, по шестьдесят квартир... а в каждой квартире, по статистике, три с половиной человека... И, стало быть, эти четыре фирмы приходятся на восемь с половиной тысяч населения. А на сто пятьдесят миллионов приходится уже более семидесяти тысяч! Где уж тут Америке, с её двумя тысячами... на двести пятьдесят миллионов! – Да, иметь своё дело у нас, – прямо скажем! – опасно. К такому выводу он приходил и ранее.

Чего там говорить! – Один лишь кредит вернуть! А аренда?! А отчисления рэкетирам... за крышу?! А непоставки, срыв обязательств?! – Да что там! Чего сто́ит создать один коллектив единомышленников, готовых постоять за тебя, сплотиться вокруг шефа в трудную минуту... и сдать с потрохами... – в ещё более трудную! Вот, если бы примкнуть к уже созданной фирме

на правах, – ну, скажем, – эксперта, советника там, или зама. Тогда было б дело! Правда, от сей мысли он лишь горько усмехнулся.

За подобными рассуждениями незаметно одолена уже половина пути. Гололёд и противный ветер с дождём и мокрым снегом заставили потратить на дорогу много более времени, чем обычно, и особенно торопиться теперь не имело смысла. Может, перспектива горячего обеда и тёплого домашнего уюта всё ещё убеждала его идти в ускоренном темпе, хотя...

Он перешёл на другую сторону проспекта и, как обычно, решил немного срезать, пройдя знакомой тропкой внутри квартала, петлявшей по захламлённой помойками, прогнившими насквозь кузовами древних иномарок и обшарпанными гаражами территории.

Глубокий мокрый снег, смешанный с опилками и золой от сожжённых ящиков у одной из помоек, заставил сбавить скорость в поисках более удобной переправы; и он успел заметить хорошо знакомую ему фигуру человека в дырявой фуфайке, драных резиновых сапогах и в облезлой шапке-ушанке, склонившуюся над мусорным контейнером. Небритый мужик, возраст которого не поддавался точному определению, деловито сортировал извлекаемые из контейнера вещи: одежду – в одну сторону, дырявые чайники и разные миски – в другую... Рядом, на снегу, валялись и пустые пивные бутылки, найденные им в этой же бездонной кладези результатов жизнедеятельности.

«Этот парень... этот искатель сокровищ тоже имеет своё дело и уже вполне освоился, по всей видимости... и никаких комплексов не испытывает. А что если и вправду начать собирать бутылки? – он быстро подсчитал – ... по двадцать бутылок в день, – шестьсот рублей в месяц! Чем не зарплата?! Да и какая зарплата! – Без задержек, получаемая каждую неделю! Ну и работа на свежем воздухе! Вот, только времени требует многовато: придётся фирму бросать. Да и этот дурацкий багаж знаний... его же не выбросишь в контейнер! Вот то-то и оно! – Вшивый ты интеллигент!» – подытожил он свои наблюдения и, сплюнув, зашагал дальше, перепрыгнув сходу через месиво растаявшего снега. Прыжок получился не очень удачный: сапоги хлебнули-таки водицы.

Выбрался на улицу, параллельную проспекту, и решил немного отдышаться; дождь уже почти перестал, напоминая о себе лишь тончайшей водяной пылью, оседавшей на лице, на мокрых – хоть отжимай! – рукавах и лацканах пальто... и почти не оставлявший следов на лужах. Низкие тёмно-серые облака неслись откуда-то, с северо-запада, вызывая чувство щемящей тоски и безразличия ко всему, – ну, буквально, ко всему! – а порывы холодного ветра удивительно точно добавляли к этой безрадостной картине последние недостающие штрихи...

И тут к нему подошла сгорбленная старушка:

– Сынок, переведи меня, пожалуйста, на тую сторонку, ежели не в тягость. Так сколько сегодня, еле иду! Я вон в том доме живу, – и старушечка, палкой показав на свой дом, метрах в ста пятидесяти, с надеждой взглянула на него.

Он даже обрадовался, – хоть немного отвлечься от дурных мыслей, да и доброе дело сделать... напоследок, – и довёл старушку до самой парадной.

Затем, вернувшись на прежнюю сторону улицы, остановился: ему вдруг вспомнилось жаркое лето далёкого, давно уже минувшего года... – его давней-предавней юности. ... Вот он, тогда ещё студент, идёт по полю, изнывая от палящих лучей солнца, впитывая их загорелой кожей... Но ему хорошо! Он только что сдал последний экзамен в этой сессии! Сдал, как и всегда, на отлично. Теперь всё лето впереди! Да что там лето... – у него впереди вся жизнь! «Эх, дурачок! Вот тогда-то и была эта самая жизнь... когда казалось, что всё ещё впереди!»

Вздохнув глубоко, направился дальше, дошёл до пустынного переулочка, – ни машин, ни людей! – пересекавшего улицу, и опять остановился. В сознании вновь закопошились обрывки того сна, смывая границы меж явью и... Поглядел на часы: было четверть седьмого... «Вчера здесь в это же время был – и тоже никого! – вспомнилось почему-то, – а вот, позавчера... Так может, сегодня? – Да! Сегодня...»

Легковая машина тёмно-синего цвета, с блестящим радиатором, показавшаяся в это время в конце улицы, неслась в его сторону, быстро приближаясь... «С Богом!» – он резко шагнул с тротуара на мостовую перекрёстка...

– Всё произошло мгновенно...

Да кто же он такой, битый-перебитый судьбою, этот безымянный российский интеллигент-технар из девяностых, не чуждый мысли о благополучном «завтра» и способный работать почти бесплатно «сегодня»? Кто он, готовый на крайние поступки, – загнанная в угол жертва выбранного Россией пути к обновлению (а, может, навязанного ей пути к гибели?) или...

Для ответа на этот вопрос заглянем в его недавнее прошлое.

2. На пути к финишу: в дебрях эзотерики

Солнце клонилось к западу. Яркие, но уже не жгучие, как днём, лучи его освещали холмы Сан-Антонио, с которых он спустился час назад, и миллиардами весёлых зайчиков отражались в мутноватых водах беспокойной Треббии, как-бы с нетерпением бегущей к своему величавому По.

Кое-где, на холмах, весело поблёскивал окнами посёлок. Селение словно плескалось в купях апельсиновых, лимонных, фиговых деревьев... Косые длинные тени холмов со склонами, живописно усыпанными домишками с красно-черепичными кровлями, накрыли виноградники, окрасив их в тёмно-зелёный, почти чёрный цвет, и уже подбирались к масляной роще, что слева от дороги. Она же, еле угадываясь в кустарнике, сбегала с холмов, петляя вдоль правого берега реки. По этой просёлочной дороге, ведущей к Пьяченце, он и шагал уже час.

На колокольне собора в Сан-Антонио часы пробили пять раз. Отдалённые удары их колокола, приглушённые горячим, словно ватным, воздухом, долетели до него, заставив поторопиться. – Ведь, ещё затемно (а темнеет здесь быстро) надо успеть разыскать её и воротиться к роднику близ посёлка, за рощей, – к холмам! И лишь оттуда можно было вернуться домой.

Подойдя к фиговому дереву у дороги, он ухватился за его ветвь с тёмно-зелёными жёсткими шероховатыми листьями. Скользнул по ней сомкнутой ладонью, ободрав пару листиков с ягодами и внимательно рассмотрел добычу. Листья, густо покрытые с тыльной стороны ворсинками, походили по форме на кленовые. Затем отделил от листков винную ягоду и осторожно попробовал на вкус. – Приторно-сладкий сок её не унял жажды.

Перешёл на другую сторону дороги, уже покрытую тенью виноградника, отломил гроздь спелых, янтарём отливавших на солнце ягод, омыл их в ручье... и почти физически ощутил живительную влагу кисловато-сладкого, терпкого сока.

Ещё через полкилометра дорога завела его в заросли маквиса. Она, заметно сузившись, как бы пробивалась теперь сквозь сплошную стену вечнозелёных кустарников дикой фисташки, мирта, земляничного дерева... – и путник с потрясающей достоверностью ощущал прикосновение их колючих стеблей и жёстких листьев к своему телу.

Заросли остались позади. Теперь его взору открылась удивительная своей красотой картина: в косых лучах вечернего солнца перед ним простиралась вся Паданская долина, вплоть до Эмилианской низменности!

Дорога, спускаясь ниже, сбегала к желтеющим полям пшеницы и кукурузы, с разбросанными кое-где рощицами пробкового дуба. А, далее виднелись пирамидальные тополя и пинии с распластанными кронами.

– Эмилия-Романья... – благодатный, обласканный Богом край!

Совсем рядом, метрах в ста от дороги, раскинула шатёр своей тени апельсиновая роща, маня живительной прохладой. – И там, в этой роще, он увидал её...

Всё началось с того памятного вечера, когда его приятелю, другу ребячьих игр и товарищу пылкой юности, брякнул полтинник.

Подумать только, – полста! А ведь, он моложе его на целых полтора года! Эх, есть в этом возрасте что-то этакое! – роднящее нас, «пятидесятников», с планеристами-новичками! Нет, дело не в том, что «дух наш молод» и что «с высоты свободного полёта открываются захватывающие дыхание...» – Чушь! Ничего не открывается! Но дыхание, тем не менее, захватывает неслабо: высоты-то и нету, а уж и на посадку! Дотянуть бы! Ну и начинаешь думать, а как же так получилось-то? Ведь, совсем же недавно – «всё ещё впереди», – а сейчас: на тебе, пятьдесят!

Выпили немного, как водится, потом гости разбились на кучки, по интересам. Две пары вышли «покачаться» под музыку... И в комнате, окутанной лёгкими разводами сизоватого

дымка, постепенно воцарилась та особая атмосфера, которую психологи называют «эффект вечеринки». Это когда... – если скользнуть слегка затуманенным взором по лицам, не задерживая внимания, – слышится приглушённый монотонный гул; а если «тормознёшь» на каком-либо персонаже, тут же становишься невольным участником разговора (без права голоса, разумеется), отчётливо различая каждое слово.

Он, примостившись у журнального столика, потягивал потихоньку из хрустального бокала «каберне», наслаждаясь его удивительным кисловато-терпким букетом... и пристально глядя в себя.

«Каберне», марочный! И где его откопали только! В «наше» время, пожалуй, и не было ничего лучше этого «каберне», пусть и не марочного! Вино советской интеллигенции – «кабернетика»! Добавь полстакана этой жидкости в ведро болотной воды и пей без опаски: убьёт всю живность! Эх, в наше время! – он поймал себя на слове «наше». А сейчас, что – не наше?!

– Скучаем? – он прервал свои «наблюдения» и обернулся. Перед ним, слегка покачиваясь в такт приглушённой музыке (что впрочем, не делало её вульгарной), стояла довольно ещё молодая привлекательная женщина. Длинная сигарета небрежно зажата между большим и указательным пальцами. Левая рука тербит накиннутую на плечи шаль, имитируя, вероятно (как он отметил про себя), волнение и некую смущённость, – неперменные атрибуты порядочной женщины.

Тёмно-русые, слегка выующиеся книзу волосы, почти римский профиль, – прямую линию носа слегка нарушала еле заметная аристократическая горбинка, – высокий лоб и большие карие выразительные глаза... Всё это, охваченное быстрым, оценивающим и довольно опытным взглядом, не могло не привлечь его внимания.

Она представилась. Он тоже назвал себя, встав и пригласив её пройти к окну.

В это время к ним подошёл виновник торжества и как-то по-свойски и непринуждённо, даже буднично, произнёс, обняв их за плечи:

– Да вы, я вижу, и сами познакомились уже. А, то... А, то мне всё в голову не лезло, как же вас друг другу представить-то. Ты, смотри, не обижай его: он мальчик скромный и очень... очень холостой, – добавил он, весело ей подмигнув, – А я пока оставляю вас, это... на произвол судьбы, – и стал протискиваться между танцующими.

Он снова, и теперь уже вполне «легально», взгляделся в её лицо: сейчас его внимание привлекли чёлка, немного косовато закрывавшая часть высокого лба, чёрные брови и чуть насмешливый прищур глаз... тонкие губы, ямочка на подбородке... – и всё это сказало ему, что с такой женщиной... на улице... – вряд ли! – а можно познакомиться лишь в кругу хороших друзей! Да и то, если подойдёт сама!

– Зачем Вы курите? – прямо и несколько бестактно спросил он её. – Вам это не очень-то идёт, я бы сказал. Она тут же «вкрутила» сигарету в пепельницу, стоявшую на подоконнике, и как-то просто ответила:

– А я знаю... и курю только, вот, в такие моменты, не часто, – и улыбнулась, чуть приоткрыв ровные белые зубы. Он пожалел о своей грубости.

Снова поправив шаль и одёрнув рукав длинного вечернего платья, – его тёмно-вишнёвый цвет как нельзя лучше гармонировал с её русыми волосами... с удивительным отливом карих глаз в приглушённом свете, – она сделала вид, как ему показалось, что заинтересована журналом, лежавшем на столике.

«Обиделась! Надо быть с нею повежливее.»

– А в какой области бытия Вы прокладываете свой курс? Ну, хотя бы... – в материальной или духовной? – он придал лицу как можно более серьёзное выражение, стараясь вместе с тем, показать своё к ней расположение.

– Он проходит как раз по грани, – ответила она, продолжая рассматривать журнал. – Я – доморощенный психоаналитик. И это мой хлеб насущный. А Вы чем занимаетесь? – спросила она в свою очередь, ничуть не выказывая ни малейшей обиды.

– А я занимаюсь... – он чуть помедлил, стараясь придать весомости, – занимаюсь я схе-моанализом, но, в отличие от Вас, не могу найти достойного применения своим методам, не то что деньги качать. Работаю в фирме... которая вот-вот рухнет.

– Я-то уже давно благополучно выбралась из «системы». Сажу дома, за компьютером. Ищу средневековые рецепты защиты от психовоздействий и пытаюсь в них разобраться. Латынью пришлось, вот, заняться: в университете испанский изучала.

«А она мила. И, похоже, не дура.»

– Ну что ж, с торсионными полями и я немного знаком: датчик строили для обнаружения таких вот, как Вы – экстрасенсов.

– И построили?

– Построили... – вздохнул он. – Но, работы пришлось закрыть. Официальная причина: отсутствие финансирования.

– А неофициальная? – спросила она, явно выражая интерес к теме, – Не представляю, как можно перестать этим заниматься лишь из-за отсутствия средств?!

– Да попросту команда наша распалась! Теперь встречаемся изредка, на улице. Приходим к выводу, что так и должно было случиться! А всё потому, что бесовщина это! Не надо сюда лезть, да ещё с приборами! Вам тоже не советую.

– А какие хоть материалы Вы использовали для своего датчика? – спросила она, как бы пропустив мимо ушей его длинную тираду. – Ну, хотя бы из классического набора: янтарь, пчелиный воск, глицерин?

Он внимательно всмотрелся в её глаза. Видно было, что она не любитель-профан.

– Ну, уж если Вы серьёзно занимаетесь своими рецептами, то и занимайтесь ими. Но, запомните: нет сильнее защиты от этого... от этой дряни, чем искренняя молитва, чем Вера! Всё ж остальное, – технические приёмы, создающие иллюзию! Да, к тому же... за которую придётся платить. А, кстати, Вы я – верующая? Впрочем, извините, можете не отвечать.

– Да! Крещённая в Православии... – она словно пропустила его намёк на нескромный вопрос. Сказала просто, но твёрдо.

– Я же не спрашивал Вас, крещены ли, – русские почти все крещены в Православии, однако «верующих» среди нас очень мало, всё больше «верящие», – он сознательно акцентировал внимание на словах верующие и верящие. – Вот, мы с Вами, похоже, тоже всего лишь... «верящие».

– А, чем же они отличаются, по-Вашему, – верящие и верующие?

– Верящие, это мы с Вами: нам известно, что Вселенная не могла возникнуть не по плану, что есть её Создатель, и мы искренне в это верим. – Верим, ведь, доказать этого невозможно: Истина недоказуема! – Но, мы верим. И, более того, не просто верим, но и в храм ходим иногда, свечи ставим перед иконами, прикладываемся к ним, особенно к тем, к чудотворным... И даже исповедуемся и причащаемся Великих Тайн... этак раз лет в десять. И нам так приятно бывает поболтать о Боге в кругу друзей... за рюмкой чаю! И...и всё! А верующие, – это те, кто общается с Богом каждый день, где б ни находился, и получает от этого общения духовную поддержку, а иногда и прямую физическую помощь.

– Давайте, присядем вот на этот диванчик... Вы о таких вещах говорите... Почему, например, по-Вашему, Истина недоказуема?

– Да очень просто, – ответил он тут же, почти не задумавшись, – при доказательстве мы обязаны апеллировать к тем положениям и фактам, которые являются более истинными по отношению к доказуемому, вот и всё. А у Истины таких фактов нет. Просто, нет ничего истинней самой Истины!

Они замолчали. Надолго. Она глядела в окно, а он – в себя. «Зачем я об этом? Уж больно ей нужно!»

– ... А, что есть Истина? – прервала она молчание. – Знаю, извечный вопрос. Ещё Понтий Пилат... и, всё же?

– Дело в том... – обнадёженный, он решил приступить к «делу», – штука в том, что мы не можем дать определений корневым понятиям... по той же причине. Мы представляем себе, ну, скажем... красивый цветок... – он передохнул, набираясь решимости, – знаем, что такое красивая женщина... – вот она, передо мной... – но, что есть сама красота?

Он украдкой взглянул на собеседницу. На лице её блуждала всё та же «улыбка Джонкнды». Лишь легкий румянец...

– А Вы умеете льстить женщинам.

– Я много чего умею. – Приободрённый, он, всё же, решил не сгущать атмосферу. – Глядите, – и, пододвинув к диванчику журнальный столик, достал записную книжку с авторучкой. – Вот, например, таблица умножения... – истина?

– Теперь уж не знаю, пожалуй, однако, продолжайте...

Он быстро написал в одну строчку: $2 \times 2 = 4$; $2 \times 2 = 10$; $2 \times 2 = 11$ – что есть истина?

– Н-не знаю. Здесь явный подвох какой-то.

– Никакого подвоха! Все выражения справедливы! Первое – в системах счисления выше четверичной, второе – в четверичной, а третье – в троичной. Так где же истина здесь? А её здесь нет и быть не может: всего лишь «достоверные суждения», справедливые только в рамках заданных условий. Истина же – безусловна! Да, чуть не забыл, пока книжка открыта, – Ваш телефончик, пожалуйста!

Она расхохоталась, но продиктовала свой телефон, не помедлив ни секунды.

– Давайте, я теперь расскажу одну маленькую историю, и Вам будет понятнее чем занимаюсь, – дружелюбно предложила она, снова поправляя шаль.

Они уселись поудобнее, и он не мог не обратить внимания на её лицо, несколько затенённое теперь. Мелкие морщинки уже более не бросались в глаза, сокрытые тенью, и ему показалось, что она просто красива.

– Как-то, года четыре назад, – а я уже тогда кое-что могла, – обратился ко мне импресарио одного, не очень известного певца, который собирался выступить за границей, ну, на каком-то там конкурсе. А дело в том, что у него каждый год в один и тот же день, двадцать восьмого июля, совсем исчезал голос! Зная о такой особенности, он все свои выступления планировал с учётом вот этой самой «странности»

Тут она улыбнулась и, положив ладонь на его руку, мягко попросила: – Не хихикайте, пожалуйста! Дослушайте до конца.

– А я и не хихикаю. Это у меня нервное, Всегда в один и тот же день происходит, в середине мая, – произнёс он сконфуженно. И они расхохотались.

– Я, с Вашего разрешения... – и она продолжила свою историю. – Так вот: пригласила я этого певца к себе домой и «сняла» его «карту». И, что же Вы думали?! – мой подопечный в своей прежней жизни был казнён! – как раз двадцать восьмого июля тысяча семьсот девяносто четвёртого года. – Гильотинирован! Вам эта дата ничего не говорит?

– Ну как же! Великая Французская революция! Термидорский переворот! Десятого термидора II года было казнено свыше сотни человек: Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон... и многие их сподвижники.

– Вот, именно! Ещё бы голосу после этого не пропадать! Сняла с него эту зависимость, поёт теперь.

– Что? И по чётным даже теперь поёт?

– А, ну Вас! – и она картинно отвернулась от него.

– Хорошо. Ладно, я так... Один вопрос только: а с датами у Вас всё нормально состыковалось? Ну, там... новый стиль, и всё такое.

– А как же! Я всегда на это обращаю внимание, когда перехожу на современное летоисчисление: если бы в России происходило, то разница в тринадцать дней... – у меня был подобный случай, связанный с восемнадцатым веком...

Он в ответ лишь улыбнулся и сказал примирительно: – Что ж, не будем углубляться. Хотя, для восемнадцатого века, если дело в России происходило, – там одиннадцать, насколько мне известно.

Она слегка прикусила губу, чуть порозовев.

– А вот, не случалось ли Вам людей разыскивать... по просьбе их родственников? – решил он прервать неловкое молчание.

– Нет! Пока у меня получается определять лишь их состояние: ну, жив ли... – ответила она не слишком уверенно.

– И часто Вы это делали?

– ... Уже несколько раз.

– Но, ведь, это какой же грех Вы берёте на себя?! Сама-то осознаёте хоть?

– ... Но, я же людям помочь хочу, которые не знают, что и думать! Какой же тут грех?

И тогда ему пришлось посвятить собеседницу в глубины основных теорий психофизики:

– Дело в том, – начал он, – что измерение какого-либо энергетического параметра любого физического объекта сопровождается отбором от него, от этого объекта, некоторой части энергии. Этот закон неумолим: измеряем ли мы температуру в печке, разность потенциалов между узлами какой-то там электронной схемы, когда телевизор чиним... – в любом случае мы просто вынуждены отбирать энергию от исследуемого объекта. Особенно это касается вопросов психофизики: ведь когда Вы пытаетесь определить, жив ли человек, которого ищут, Вы, красавица моя... – и тут он взглянул ей прямо в глаза, сияясь определить реакцию, – ... Вы ловите его энергию, отбираете у него! И если ощущаете её поток, то, значит, он ещё жив.

– А, представьте, он – потерявшийся! – на последних пределах психики! Ему для поддержания духа... – как нужна ему эта энергия! А, Вы её отбираете! – Для чего? Да родственников успокоить! Вот, в чём грех! А родственников-то как раз и нельзя успокаивать, да и не получится это! Им надо идти в церковь и усиленно молиться за него, отдавая свою энергию, в надежде, что поможет! Ведь, не секрет, что после горячей молитвы мы чувствуем себя усталыми: энергию отдаём! Именно в этом основная идея Православия: не брать, а отдавать... в надежде, что будешь услышан! И в этом великая сила!

– Вспомните, как в Воскресение Христово по молитве людей огонь возжигается в Кувуклии Храма Гроба Господня! И в чём же здесь смысл? – В том, что Бог его нам посылает по нашей просьбе? – Нет! – ... В том, что мы сами, силою своей психической энергии, вложенной в молитву, способны ещё этот Святой огонь низвести на землю! А почему это происходит? – Да потому, что так угодно Творцу!

Она молчала. Смотрела куда-то, мимо него, и только лёгкое прикосновение к руке смогло вывести её из этого состояния.

– ... Но ведь, после такого поиска я сама чувствую себя как выжатый лимон...

– А как же Вы думали?! До настройки на поток энергии искомого объекта необходимо заглушить энергетические сигналы от других объектов. Вот, на это Ваша энергия и уходит.

Гостей тем временем заметно поубавилось. К ним подошёл именинник с бокалом шампанского в руке, и усевшись рядом, произнёс, улыбаясь:

– Ах, ребята, дайте и мне с вами посидеть! Всё никак не могу свыкнуться с новым состоянием. Так много хотел сделать, такие планы строил... а, вот, уж и экватор прошёл.

– Ничего себе?! Экватор свой я лет в тридцать пять прошла.

– Ну, а ты что молчишь, друг?

– А я на палубу ещё не выходил, не знаю... – и друзья непринуждённо рассмеялись.

От гостей шли молча. Он вызвался её проводить. А, майская ночь! – как она была сейчас им кстати! Молодые гроздьи сирени, терпкий аромат черёмухи... – Она жила в тихом зелёном уголке, близ Серебряного озера, – всё это создавало удивительную картину чего-то, реально-прекрасного, ощутимого во времени... однако, быстро ускользающего, как самоё жизнь!

– А Вы читали статью... недавно опубликовали, – в ней приведены мысли академиков наших по поводу тех самых торсионных полей? – спросила его спутница.

– Читал. Статья правильная, хоть и неглубока. Уж слишком прямолинейно там всё, шарлатанство, мол! Не без него, конечно... Я-то против этих работ совсем по другой причине: вред это, бесовщина! Только что им, этим специалистам от эниологии!

– От чего? – удивилась она.

– Это от... энергоинформационного обмена. Что им: знай, вовремя подставляй свою физиономию под объектив телекамеры! Сенсация! Слава! А то, что простые техники да лаборанты с этой гадостью возятся безо всякой защиты, до того им и дела нет! Нинель Кулагину, что предметы двигала силой мысли, – до инфаркта довели!

– Когда меня откомандировали изучать эти поля – торсионные, – первые проблески возникли при использовании золотых цепочек. Предложил я как-то аспирантке цепочку её испытывать, и сразу получилось! Это в пятницу было, а в понедельник решили продолжить. Не удалось! Пришла аспирантка в понедельник грустная: цепочку на огороде потеряла. И, вот, тогда я почувствовал, что сама природа...

– А потом к нам приехал один из создателей этой теории, – я в тот день в лаборатории как раз находился, – и в ожидании завкафедрой, мы с ним хорошо и обстоятельно побеседовали. Прекрасный человек, отчаянно к себе располагающий, и, главное, энтузиаст и умница! – Шарлатанства там и близко не было! ... Но, когда я спросил его, не объясняет ли он этой торсионной теорией и силу Провидения Господня, он на это ответил утвердительно. Представляете? Выходит, эти учёные, – тут он выделил слово «учёные», – совершенно сознательно хотели смоделировать силу Божью, заставить её работать... «на благо»... одним словом! Кто как не сам сатана мог подбросить им такую идейку?! – тут он выдержал паузу, пытаясь оценить реакцию спутницы.

Она чуть усмехнулась, не проронив, однако, ни слова. Взглянула на собеседника, будто предлагая ему продолжить.

– ... И вот тогда-то я и решил для себя: надо с этим делом завязывать, пока не поздно; и попросил шефа меня от этих работ освободить. И то правда: когда в комнату экстрасенсы приходили... ну, по другим вопросам, – а в комнате этой я торсионный генератор включал накануне... – то минут через пять просили разговор в другое место перенести. Что-то неуютно они себя чувствовали там... а, я-то ничего и не замечал, не экстрасенс ведь... Как они потом объяснили, это излучение производит деструктивные изменения материи. Только и всего-то! Хотя, потом стал замечать и я за собой...

– О! Это уже интересно. И что же такое Вы стали за собою замечать, если не секрет?

– Да так, ерунда! Шёл я как-то, с работы: день неудачный, эксперименты не получались. Вышел на площадь и вижу: знак дорожный висит ко мне тыльной стороной: как раз посередине лужайки перед храмом. А в знаках я не разбираюсь, не автолюбитель. Однако, нашла на меня блажь: захотелось определить тот знак... не сходя с места. И, знаете, – только у меня это желание появилось, как я чётко представил, что подлетаю по воздуху к тому знаку, подтягиваюсь на руках, всматриваюсь... и вижу много синего и красного. Хотя, самого знака так и не рассмотрел. Когда подошёл к нему – увидел: красный крест на синем фоне. И тогда не по себе, помню, стало.

Собеседница вдруг звонко расхохоталась: – Вы испугались своего первого выхода в астрал! А, дальше? Потом с Вами что-нибудь в этом роде приключалось?

– В том-то и дело, что дальше – больше! Теперь я в состоянии помещать своё «я» в любую точку пространства... и даже следить оттуда за собой. Раньше даже во сне не мог представить себя на крыше, высоты боялся! Теперь же... теперь летаю как птица меж домами, и никакого страха! Раз проснулся оттого, что ощутил себя на кровати... рядом со своим телом, а как войти обратно, не знаю! Хорошо, что на иконку взглянул! – И вернулся...

Так, за разговором они дошли до её дома.

– А, можно мне с Вами встретиться? – В Картинную Галерею ходим... – спросил он, когда она уже искала ключи.

– Давайте. Я давно там не была. А Вы всех девушек в музей приглашаете?

– Всех... Так удобнее: она рассматривает картины со всех ракурсов, а я её... и тоже, с ракурсов! – он решил, что в «их» возрасте правда уже должна цениться много выше ложного кокетства.

– А Вы... нахальный мальчишка! – произнесла она серьёзно. – Пожалуй, я с Вами схожу в музей. Меня тоже будете рассматривать?

– Непременно!

– Ну, ладно! – она положила руку ему на плечо... – Позвони через неделю: я послезавтра в Севастополь улетаю на конференцию, на три дня... Телефон ты уже взял.

– Можно вопрос один? – спросил он тихо и мягко.

– Да хоть два!

– А почему... почему ты подошла ко мне сегодня? – он почти насильно заставил себя произнести «ты».

– Меня привлекла твоя аура – зеленовато-голубая... – сейчас это редо встретишь... – она смотрела ему прямо в глаза.

– А я-то, дурачок, подумал!.. Думал, понравился... как и ты мне... А она – аура!

Наступила неловкая пауза.

– ... Но, самое-то главное, что бесовщина эта принимает порою такие красочные и привлекательные формы, что устоять почти невозможно, – сказал он с улыбкой на прощание. То-ли невпопад, то-ли с каким-то потаённым смыслом.

Она долго не могла уснуть. Его лицо... интересный рассказ... Он, действительно, её взбудоражил: эти полёты, выход в астрал... Ей почему-то вспомнилось, что во сне она тоже очень долго не могла спрыгнуть с высокой крыши, когда за нею гнались. А потом...

Потом она как-то побывала в Крыму: ездила по турпутевке в Алушту. И вот тогда-то всё и началось!

Теплоход, который вёз её в Никитский Ботанический сад, сильно качало на крутой волне. За бортом медленно проплывала набережная Алушты со стройным рядом цветущих «райских деревьев», словно подёрнутых розовой дымкой. Она вышла на верхнюю палубу и наблюдала, как туристы кормили морских чаек – громадных, будто альбатросы, красивых птиц, ловко, на лету, хватавших чуть ли не сполбатона!

Береговой ландшафт тем временем уже сменился. Зелёные склоны горы Костель, поросшие кустарником и мелковатым лесом, качаясь, словно в медленном танце, нехотя уступили место невысокой гряде коричневатого-жёлтых скал, тянувшихся вдоль изрезанной береговой линии. А те, в свою очередь, – полосе желтеющих полей, ровно расчерченных дорогами и пересечённых высоковольтной линией электропередач.

Весело проблеснули на солнце крыши прибрежного посёлка... Довольно свежий ветер, дувший почти против курса, сдувал мелкую водяную пыль с гребней волн и обсыпал ею лицо, руки, создавая ощущение брызг шампанского.

А потом снова, качаясь в такт волне, поплыли скалы. И вот тут-то...

Девушка вдруг ощутила необъяснимую лёгкость во всём теле! Еще миг и!... Нет, она никуда не полетела, но ясно представила себе... что летит! Она ощутила свежий поток воздуха, обдувавший её тело, поднялась выше, много выше теплохода... И увидела берег с высоты птичьего полёта!

Её несло к скалам. Берег обозревался в непривычном ракурсе. Долетела до этих скал, прижалась к холодным камням, ощутив ладонями их скользкую, покрытую зеленоватым налётом лишайника поверхность... Где-то там, далеко внизу, плескалось море, сверкая тысячами маленьких искорок. Она обвела его восторженным взором и заметила небольшой, словно игрушечный, теплоходик, его крошечных пассажиров на палубе... и себя, – в зелёной юбке, белой кофточке и в широченной соломенной шляпе...

А через несколько секунд наваждение исчезло. Она снова ощущала себя на верхней палубе, среди ничего не заметивших туристов! Так состоялся её первый «выход в астрал», как ей потом объяснили «умные» книжки по экстрасенсорике.

Потом удивительно легко «спрыгивала» с окна и кружилась вместе со стрижами в небе, – кувыряясь в воздухе, со свистом падая почти до земли... и вновь устремляясь ввысь, до самых звёзд! – И всё более набираясь опасного опыта. Теперь она с лёгкостью могла помещать себя в любую точку пространства: как муха ползать по потолку, «кувыркаться» на турнике, с удивлением следя за движениями потолка, стен, пола своей комнаты... и даже забираться в чужие квартиры!

Но, самым интересным был эксперимент с будильником: она ставила его, не глядя на циферблат, у изголовья, а затем, представив, что перевернулась, «заглядывала», определяя время. Опыт удался не сразу. Но, мало-помалу, его отработала и теперь определяла время довольно точно, представив лишь циферблат.

На следующий день, с самого утра стала собираться в дорогу. Сборы, собственно, долгими быть не обещали. Всего-то на три дня! Участие в конференции, билет на самолёт, место в гостинице... – уже оплачены и забронированы: помог всё это проверить неожиданный спонсор, один из благодарных её пациентов. Так, что и забот никаких!

Конференция была посвящена вопросам нетрадиционной медицины, и ей давно мечталось увидеться со своими друзьями очно, а не по Интернету. Вместе с нею в Севастополь, на конференцию, направлялась и её подруга, – они, вместе с недавним именинником, работали на соседних кафедрах. Поездка обещала быть приятной.

Ей уже приходилось бывать в Севастополе, в восемьдесят девятом году. Тогда их, туристов из Алушты, возили в этот город на автобусе: туда ехали по старой степной дороге, мимо Бахчисарая, а обратно – по новому шоссе, вдоль берега моря. Она в общих чертах помнила картину города: Графская пристань... Артиллерийская бухта... раскопки древнего Херсонеса... Малахов курган...

Мимо Фороса, когда ехали обратно, проезжали на большой скорости: дача Президента Советского Союза, как им объяснили. И вот тогда ей вдруг ясно представилась на миг странная картина: в море стоят военные корабли, на берегу прохаживаются солдаты с автоматами... Она внимательно всмотрелась в мирный парк, в красные крыши Президентской дачи, в спокойную пустынную ширь Чёрного моря, подёрнутую дымкой... – Показалось.

До Симферополя долетели без приключений. Весь полёт проболтали с подружкой, обсуждая план поездки: кроме конференции им хотелось бы выполнить по максимуму и свою собственную программу.

Прямо из аэропорта их повезли на интуристовском автобусе через весь Симферополь, по его тенистым улочкам с деревянными домиками во фруктовых садах... Запомнилась Персиковая улица: «как в „Унесённых ветром“, в Атланте», – подумалось.

Их поселили в небольшой простенькой гостинице, на южной окраине Севастополя, – в уютном уголке, утопающем в цветущих акациях, с длинными лестницами, ведущими к морю. Комнатка на двоих как нельзя лучше отвечала их желаниям совместить приятное с полезным: первый этаж, окна в сад... А где-то внизу слышится мерный плеск моря.

Когда все вопросы с поселением утряслись, уже спустился вечер. На завтра были назначены интересовавшие их доклады, встречи, а остальные два дня – в их собственном распоряжении. Подумать только: три дня в цветущем прекрасном южном городе! Есть от чего кружиться голове!

Сходили в кафе, выпили по чашечке кофе, а потом пошли вдоль бульвара: от Обелиска погибшим кораблям до Дворца пионеров.

Сколько героического, и вместе с тем, сколь много «тёмных» пятен в истории России связано с Севастополем! Прошло всего каких-то двадцать лет после включения Крыма в состав России, в 1783-м году, а уже в 1804-м Севастополь становится главным военным российским портом на Чёрном море! – Главным! Но, так называемая Крымская война, которая велась в различных точках Земного Шара: от Балтийского, Чёрного и Средиземного морей до Тихого океана, и которую, по существу, следовало бы считать мировой: Россия, Североамериканские Соединённые Штаты, Эфиопия с одной стороны, и Франция, Англия, Турция и Сардиния, с другой... – она открыла глаза на многое.

Героическая оборона Севастополя... Вся Россия в течение 11-и месяцев с затаённым дыханием, обливаясь слезами, заламывая руки, следит за геройской гибелью своих верных сынов... и палец о палец не ударяет для их спасения! Севастополь же обороняют лишь моряки с затопленной в бухте эскадры, так и не дождавшиеся подмоги.

А что же Англия с Францией? Нужен им был Севастополь? А, не так, что бы... Да и сама Крымская война... Она развязана лишь для того, чтобы указать Империи, мнящей себя Великой после победы над Наполеоном, её истинное место! – Примерно через год Севастополь снова был возвращён России, взамен на маленькую турецкую крепостишку Карц на Дунае. Вот и всё!

Нет, пожалуй, не всё: Россия в результате Крымской войны потеряла право, – и более чем на полвека! – право иметь на Чёрном и Азовском морях военный флот и строить крепости! Отсюда и контрабанда, расцветшая полным цветом и так красочно описанная Куприным, Горьким, Александром Грином...

А как всё начиналось?! В начале сентября 1854-го года первый экспедиционный корпус союзников, высадившись в Евпатории, разбил армию князя Меншикова на реке Альме, и её остатки отступили к Бахчисараю, бросив Севастополь на произвол судьбы. Затем с кораблей эскадры начался регулярный обстрел города.

Англичане тем временем десантировались в Балаклаве, а французы – в Камышовой Балке. И что же, двинулись на Севастополь? – Как же! Они сперва в Балаклаве построили гранитную набережную, возвели там два театра с кафе впридачу, проложили между Балаклавой и Камышовой Балкой железную одноколейную дорогу, доставили из Лондона два паровоза... и лишь затем неспешно двинулись на Севастополь. Штурм города начался 18 июня 1855-го года!

Однако, и здесь не обошлось без театральщины. Французы договорились с англичанами (а надо сказать, что Крымская война была первым военным договором между Англией и Фран-

цией, давнишними соперниками ещё со времён Столетней войны!), что город штурмовать будут только они. Надо ж было как-то расквитаться с русскими за взятие ими Парижа в 1814-м!

А 9-го сентября город пал. Россия же тем временем... – Что она, со своей миллионной армией, предприняла для защиты главного порта от каких-то 70-и тысяч разнопёрого войска союзников?! Даже американцы послали в Севастополь, в помощь Пирогову, более пятидесяти своих лучших хирургов!

Спокойное море под косыми лучами заходящего солнца, сверкающая солнечная дорожка, военные корабли на рейде... Её внимание почему-то привлекла именно эта светлая дорожка, тянувшаяся к солнцу. Лишь сейчас она заметила вдруг, что многие художники рисуют её совсем неправильно: сходящейся на горизонте, как рельсы. Дорожка была, – и у самых ног, и там, у солнца, – одинаковой ширины, стройная как свеча! Колеблясь и сверкая в мелкой ряби, она как бы приглашала сделать первый шаг...

Они вернулись в гостиницу затемно: полная луна освещала свечи южных тополей, оставляя их тень на каменных заборах из белого известняка и напоминая что-то неуловимо близкое, но скорее, пережитое в мечтаниях, чем в реальной жизни.

Подружка уже похвасталась: в бутике присмотрела подходящие «зуавы», завтра можно примерить. Однако, попутчица осталась равнодушной. Более того, она даже неприятие своё выразила:

– Неужели ты эту дрянь алжирскую на себя напялишь? – спросила она.

– Алжирскую?

– Ну, конечно же, ведь это ж мужицкие портки! Их носили во французской колониальной кавалерии зуавы, туземцы-кавалеристы. Они, кстати, сыграли определённую роль в Крымской войне: конница зуавов опрокинула нашу Вторую Степную армию на речке Альмё. Ну а длинная мотня... это для удобства: чтобы ловчее вскочить в седло.

– Ты сказала про какую-то там Альмё, а ведь, я слышала, что и принцесса Диана погибла в Париже, в путепроводе Альмё. Что это, совпадение!

– Нет. Название этой татарской речушки можно встретить и во Франции, и в Англии, – кичатся! Целый район Парижа носит название «Малакофф». Они даже медаль выбили в честь взятия Малахова Кургана. Помню, смеялись наши: медаль-то в честь пьянчужки-сапожника, отставного штабс-капитана Малахова, жившего как раз под этим курганом! Да и сама война запечатлелась в названиях модного тряпья: «зуавы», «реглан», «кардиган»...

– А это причём?

– Да просто в Крыму тогда холодно было, дождливо... Ну, и придумал генерал Роглан, главнокомандующий союзными силами, плечики для плаща, чтоб вода в швах не скапливалась и не мочила мундир. А лорд Кардиган, страдавший от простуды, стал носить под мундиром свитер без ворота, сделав в нём глубокий вырез с застёжками, чтоб стиль мундира не портить.

– Откуда у тебя всё это?

– Читала...

Раздевшись, они улеглись, но ещё долго тихо, в полголоса, разговаривали, делясь впечатлениями. Подруга, наконец, затихла, и затем послышалось её ровное сопение. Ей же почему-то не спалось.

«Всё! Спать!», – приказала она себе, плотно закрыв глаза, – вставать рано!» Мысли, однако, не унимались. Она волевым усилием постаралась убрать этот мыслительный шум, пытаясь провалиться в пустоту, как это уже не раз практиковала... и ощутила вдруг такую знакомую лёгкость во всём теле!

«Приподнялась» над кроватью. Приподнялась всем телом сразу, ощутив, что парит в воздухе, чуть покачиваясь. Отбросив одеяло, зачем-то надела тапочки, неслышно отворила окно... и медленно выплыла в южную ночь. Всё это происходило, конечно же, лишь в её подсо-

знании, она вполне контролировала себя, время от времени ощущая под собою кровать, а затем снова всплывая над нею...

Прохладный воздух, напоённый ароматами цветущей природы, мягкий шёпот моря где-то внизу... – её сознание настолько реально погрузилось во всё это, что она совершенно отчётливо ощутила себя летящей в мирном ночном пространстве, над садами уснувшего Севастополя, над спокойной гладью бухты... Не было никакого страха. Стоит лишь представить их комнату в гостинице, – и она вновь окажется там, в тёплой постели! И бедняжка предалась этому воображаемому полёту, упиваясь видами, открывавшимися с высоты...

Она тут же плавно понеслась к побережью, дивясь причудливой извилистости береговой линии, и уже довольно далеко была от города: его огни, рассыпанные по холмам словно светляки, остались где-то сзади. Её же влекло всё дальше и дальше...

Вот мелькнули огоньки посёлка Омега на широком туповатом мысу, затем внизу проплыли зазубрины Камышовой, Казачьей и Карантинной бухт, а дальше, за острым мысом, – большая дуга побережья Круглой бухты. Ей вдруг захотелось снизиться над мысом между Карантинной и Круглой. Это место её чем-то притягивало к себе; да и забираться далеко от города, пусть даже мысленно, она, всё же, не решалась.

Подсознательно ощущалось, что полёт её длился уже часа два. Спустившись ниже, она увидела на скалистом мысу колокол, закреплённый между каменными столбами... «Геракле́йский полуостров. Херсонес! – пронеслось у неё, – Далековато забралась, однако»

Да! Это был Херсонес Таврический, основанный в 422-м году до нашей эры выходцами из Гераклеи Понтийской! Это она хорошо помнила ещё с университета. Более семнадцати веков здесь процветал город, пока в конце тринадцатого века не был окончательно разрушен татарами. Видел он и войска Диофанта, присланного Митридатом VI Евпатором на помощь местному базилиевсу для защиты города от скифов во втором веке до нашей эры... Видел и войска Владимира Святославича, крестившего Русь и принявшего здесь же, в Корсуни, крещение в Православии, – в конце десятого...

Она проплыла над раскопками, ведущимися здесь с 1827-го года, над зданием музея, увитым плющом, над православным храмом в честь князя Владимира... И тут почувствовала, что какая-то необъяснимая сила подхватила её вдруг и закружила, заставив потерять контроль над полётом!

Теперь она летела, еле удерживая себя, беспорядочно кувыркаясь и с каждым витком приближаясь к земле! Под нею промелькнули ровные траншеи раскопок, со стенами выложенными белым известняком, какие-то ямы... Несколько раз ударилась ногою о камни... Земля теперь была совсем рядом.

Бедняжка со всей отчётливостью ощущала, как ветви кустов больно задевают её тело, бьют по лицу! Она с усилием попыталась подняться выше, но не смогла. Её что-то притягивало к земле... И вот, реально ощутимый, резкий удар о землю! Последнее видение, представшее перед её мысленным взором – чёрные цифры на белом фоне: 1012... Всё! Полёт закончен!

Утром напарница проснулась ещё до звонка будильника. Её соседка по номеру уже встала: постель пуста, одеяло откинута, под кроватью тапочек нет. «Скорее умываться, завтракать...», – и она, набросив халат, вышла в коридор.

Вернувшись, подруги не обнаружила. Не было её ни в холле, ни в кафе. Ещё раз обвела комнату встревоженным взглядом и только сейчас обратила внимание на открытое окно... А, ведь, они с вечера его закрыли на крючок, оставив открытой лишь форточку! Она это хорошо помнила.

Её охватила тревога. Постучала в соседнюю комнату, но и там никто ничего не знал. Обратилась и к дежурной. Та лишь подозрительно на неё поглядела: мол, а ночь-то где провели? Но, тем не менее, договорились, что если днём подруги на докладах не будет и в гости-

нице не объявится, то позвонят в милицию. Сейчас же оставалось только оповестить устроителей конференции...

Через неделю, в пятницу, он позвонил своей новой подруге, как и условились, но телефон не ответил. В субботу, к вечеру, намеревался уже сходить к ней и попытаться расспросить соседей, но ещё утром раздался звонок от приятеля, недавнего именинника:

– Привет! – услышал он взволнованный голос друга.

– Знаешь, какая история случилась? Твоя подруга попала в госпиталь, в Севастополе.

– Как?... Что произошло-то?

– Да ты не волнуйся. Всё в порядке, вроде: Напарница там с ней, – звонила вчера на кафедру. На следующей неделе уже выписывают. Довольно много ссадин и ушибов, но серьёзного ничего нет.

– На неё напал кто-то?

– Да нет, упала в яму на раскопках, в Херсонесе. Знаешь, под Севастополем город такой есть, археологи раскопали. Её там ночью влюбленная парочка нашла, и сразу в госпиталь, – молодцы! Вот только странно: на ней была... одна сорочка ночная, да тапочки домашние, суконные...

Попрощавшись, друг повесил трубку.

Он задумался. Ночью! Одна, на раскопках! В нижнем белье! Ссадины! И никто не напал, – сама... «Неужели?» – у него мелькнула догадка.

Прошла ещё неделя. Яркое июньское солнце, заливая золотом распустившиеся во всей красе кусты сирени под окном и весело отражаясь в ряби Серебряного озера, заглянуло уже в комнату. Светлые пятна на старом ковре, над кроватью, заставили открыть глаза.

Она оглядела свою комнату, потянулась на постели. Хорошо-о! Опять дома! Странная поездка в Севастополь теперь вспоминалась как сон. Что же с нею произошло там? Неужто она, действительно, летала? Значит, – левитация? Искривление пространственно-временного континуума?

Читала как-то, давным-давно, ещё в советской прессе, – о подготовке китайских гимнасток, которые, вводя себя в определённое состояние путем медитации, ходили по ленточке папиросной бумаги, натянутой меж спинками стульев... Бумажная ленточка нужна была им для ориентации, чтобы не качало в воздухе. Так, может, и с ней?..

Встала, наскоро позавтракала и, кое-как приведя себя в порядок (ещё болела ушибленная рука), набрала его номер. Скорее всего, он должен быть ещё дома: суббота же, девять часов утра.

– Алло? – в трубке послышался знакомый голос. Она поздоровалась.

– Рад слышать тебя! Я всё знаю, не рассказывай. Ходить-то можешь? – Она рассмеялась в ответ.

– Всё ясно! Давай в одиннадцать, в садике у Галереи. Хорошо?

– Да! – и она повесила трубку.

Он уже был на условленном месте. Увидев её издали, залюбовался, – лёгкая походка, стройная фигурка... – но затем, словно очнувшись, поспешил навстречу. Она была в тёмно-синем платье-костюме, с белой сумочкой через плечо. Такая сияющая! – Со стороны и не подумаешь!

Расположение экспозиции по залам не менялось уже много лет: за исключением, пожалуй, картины Бруни «Медный Змей», отправленной на реставрацию. Да и ладно. Он в библейских сюжетах был не очень... Зато в зале Айвазовского!..

Он подвёл её к картине «Девятый вал» настолько близко, что стали заметны грубые, казалось, неряшливо-бесформенные мазки разноцветной, какой-то грязноватой краски.

– Смотри! – промолвил он назидательно. – Большое всегда видится только на расстоянии. Сейчас перед нами всего лишь запачканный краской холст. Но, если отойти чуть дальше, ещё дальше... И вот он, – шедевр!

– А, самое-то главное, что на шедевры эти Айвазовский не тратил много времени: самая трудоёмкая картина заняла у него девяносто шесть часов! Да и можно ли писать море с натуры? Оно каждый раз такое разное! Море можно писать лишь по памяти... А, копируют каждую из этих картин по многу лет!

Она слушала его с едва заметной улыбкой.

– А ты хорошо заучил эту лекцию: тренировка была, видать... солидная!

– Была... Не скрою.

Затем подошли к небольшой и совсем какой-то невзрачной картине: «Бриг «Меркурий». И он с жаром начал рассказывать о её сюжете.

– Бриг «Меркурий» под командованием молодого Казарского, ставшего капитаном в этом бою (прежний был убит) – с изодранными парусами, только что одержавший победу над несколькими турецкими кораблями – шёл через строй кораблей, спешивших своим на подмогу... и отдававших теперь «Меркурию» салют чести!

Потом прошли в другой зал. Остановились у картины Сильвестра Щедрина: «Новый Рим. Замок Святого Ангела», и она удивлённо воскликнула, дёрнув его за рукав:

– Быть не может! Эту картину я видела в Третьяковской Галерее!

– И я тоже, – ответил он, улыбаясь. – Дело в том, что Сильвестр Щедрин написал несколько таких картин: небо только на них разное. – По заказу, для продажи. Он вообще, писал больше об Италии. Там и умер в 1830-м году, в тридцать девять лет. Писал Рим, Неаполь: «Гавани в Сорренто», «Террасы в Сорренто», «Вид Сорренто близ Неаполя»... Его заслуга в том, что он первым отказался от преклонения перед античностью: писал природу, и впервые стал делать пейзажи без предварительных детальных прорисовок, – с натуры. И вот поэтому на его картинах легко определить «точку схода»...

– А это что? – она, явно, заинтересовалась.

– Это именно та точка, в которой находился художник, делая рисунок. И если мы её сейчас найдём и с неё взглянем на картину одним глазом, – он прищурил левый глаз, отодвигаясь от картины, – то возникнет ощущение объёма, как при рассмотрении фотографии, снятой телеобъективом.

– Ага! Вот она! Встань сюда, – и он, обняв её за плечи и почти вплотную приблизившись к её лицу, еле удержался, чтобы не поцеловать... в поисках «точки схода».

– Верно! Объём ощущается довольно чётко. И если немного покачать головой, то будто бы и меняется что-то, как в природе! – она удивлённо взглянула на него. – А я раньше и не знала... Так, ты говоришь, он писал об Италии. А я, помню, встречала с его подписью картины и с видами окрестностей Петербурга...

– Всё верно: это его дядя, Семён Федорович. А мы говорим о Сильвестре Феодосеевиче...

Возвращались пешком, мимо Старой Крепости. Уже когда прошли мост через неширокую речушку, она предложила вдруг зайти к ней, на чашку чаю. Он согласился. Шли долго, – к её Серебряному озеру.

Вот и знакомый парк. Вокруг озера буйство сирени. На лужайках расположились загорающие, в воде плескалась ребятня. – Райское местечко!

– Раньше здесь было ещё и Золотое озеро, – в её голосе чувствовалась усталость. – Засыпали, когда строили дома... Я тебя на чай пригласила, а уж и обедать пора. Не будет возражений?

– Не будет. Да и что голодный может возразить! – и они рассмеялись.

– А экскурсия твоя в музей удалась! Спасибо. Да только и ты там картины рассматривал, а, ведь, обещал, что и меня будешь...

– Буду. Всё ещё впереди. Потерпи маленько. Вот пообедаем... – И они снова расхохотались.

Она жила на третьем этаже пятиэтажки. Её балкон выходил в уютный сад, сейчас уже одичавший. Под цветущими яблонями и вишнями сидели старушки на давно уже не крашеных скамеечках; в песочнице какой-то карапуз возил свой самосвал, пыхтя и отдуваясь за него и за себя сразу...

Они поднялись, она достала ключи, открыла дверь и пригласила его войти. Квартира двухкомнатная, с балконом. Сразу же провела его в комнату, а сама направилась на кухню готовить обед. Он предложил было, кокетства для, помочь, но она отказалась, сославшись на древнюю традицию их семьи: на кухне только женщины!

– Хорошая традиция! – признался он, как бы нехотя повинувшись, и направился в комнату. В первой комнате, на столе у окна, расположился «Пентиум» одной из последних моделей: процессорный блок, плоский монитор, клавиатурная доска, а также старенький принтер марки EPSON и зачем-то ещё и сканер.

«Круто!» – он подошёл к книжным полкам. Там, в некотором беспорядке (видимо, к книгам довольно часто обращались) были разложены тома по медицине, латыни... магия белая, чёрная... «Жуть! – его даже передёрнуло, – Как в подземелье у алхимика, в средневековье! Вот они, гримасы цивилизации: магия и компьютер в одном флаконе!»

Тут же были расставлены стулья, два старинных кресла, диван... В углу, у компьютера, – письменный стол, заваленный бумагами и книгами. «Здесь она принимает посетителей, „снимает карты реинкарнации“ и прочую такую дурь», – поморщился он.

В другой комнате (она была смежной) расположена спальня. В дальнем от окна углу – деревянная кровать старого фасона, туалетный столик с зеркалом, шкаф и маленький журнальный столик с креслом, у окна. На столике старинная фарфоровая ваза с букетом засушенных цветов. Да ещё сервант с хрустальной горкой.

«Вот, как выглядит логово современной ведьмы!» – усмехнулся он и подошёл ближе к небольшой старинной цветной репродукции, висевшей на стене, у кровати. Она ему напомнила что-то знакомое, но уже далёкое...

– У меня всё готово. Прошу к столу! – послышался её голос. Он прошёл в кухню, вымыл предварительно руки, и они уселись за маленьким кухонным столиком.

– А что за репродукция у тебя в спальне висит? – спросил он, когда уже закончили обедать.

– Да так... один благодарный клиент подарил. Заинтересовала?

– Пожалуй! Похоже, я где-то видел уже эту местность. А кто художник – неизвестно? Довольно близко к манере Сильвестра Щедрина, я бы сказал.

– А, давай, поглядим, – и она прошла в спальню, осторожно сняла картину со стены и они, перейдя в первую комнату, уселись на диван. Сняв картонку с тыльной стороны репродукции смогли прочесть лишь название картины: «Пейзаж. Близ Пьяченцы». Ни имени художника, ни года написания картины за ветхостью этой вещицы им прочесть не удалось.

– Угадал! Всё ясно! – Италия, близ речки Треббия!

– А ты, что – был там?

– По-моему, это в манере Сильвестра, – произнёс он задумчиво, не обратив внимания на вопрос. – Н-нет, я там не был, конечно... Правда, кое-что знаю об этих местах. Когда-то, ещё студентом, готовился к одному докладу... и хорошо изучил сии места, заочно.

– И чем же эти места знамениты? – она как-то уж очень близко придвинулась к нему и обняла за плечи. Он тоже наклонил к ней голову и коснулся щекою её щеки. Затем нежно прикоснулся губами к её волосам, к виску... – Давай... давай, попробуем сначала определить точку схода, – почти шёпотом предложил он.

– Давай! – она потрепала его за волосы, – А ты молодец! – и улыбнулась. – Трусишка только.

Он немного отодвинул репродукцию от себя, затем чуть сдвинул её влево... – Готово! Вот, она! Видишь, на переднем плане изображена терраса какого-то старинного дома. Это в посёлке Сан-Антонио, на холме! – глаза его загорелись, будто от встречи с чем-то, давно знакомым, и он продолжил в заметно ускоренном темпе:

– ... Далее, слева, виден берег реки, – он указал ей на левый край репродукции, – а внизу, у подножия холмов, на заднем плане, – вся Паданская долина! Да. Это Треббия! Она впадает в реку По, или Падус, как её называли квириты, древние римляне, – правый приток. Долина, по которой течёт По, – Паданская – плодороднейший край на севере Италии... область Эмилия-Романья! А на левом берегу Треббии, – видишь, домишки на склонах холмов? – другой посёлок, Сан-Николо!

– Откуда ты всё это знаешь? – удивилась она.

– Да так... доклад когда-то готовил... об Италийском походе Суворова. Именно здесь, в июне 1799-го года, на речке Треббия, у посёлков Сан-Антонио и Сан-Николо, Александр Васильевич сходу, во встречном бою, разбил войска генерала Макдональда, главнокомандующего французскими силами в Италии. Генерала после этого сражения отозвали в Париж и задали ему там хорошую трёпку. Против республиканской Франции тогда выступала коалиция монархических государств: Россия, Австрия, Англия, Турция и Неаполитанское королевство.

– А где же здесь Пьяченца?

– Этот небольшой городок здесь лишь угадывается в дымке, чуть виден справа: он расположен в нескольких километрах от места впадения Треббии в По, на его правом берегу. Макдональд как раз и шёл на Пьяченцу и Парму. ... И вот, после этого победоносного сражения и некоторых других Суворов совершил своё знаменитое – г-м! – отступление через Альпы.

– Отступление?

– Ну, переход, как у нас это называют. И напрасно ты так! Ведь, истинный талант полководца как раз и проявляется, именно, в отступлении, когд всё против него – и неприятель, и моральный дух... и природа! Суворов решил отступить для сохранения армии, опасаясь участи корпуса Римского-Корсакова. – После победы! Да как отступить! – Вся Европа ахнула! И в этом его великая заслуга! Не надо бояться называть вещи своими именами.

– Сейчас там, на перевале Сен-Готард, памятник поставили «в честь этих событий» – довольно странный! Суворов изображён на нём таким чудачком: с длинным носом, как у Буратино, сидящим верхом на чахлой лошадёнке! Забыли, кто их спасал! Суворов тогда, после перехода, намеревался идти на Париж, да Павел испугался и повелел ему воротиться. Недаром же Наполеон, вернувшись из Египта, первым делом спросил с тревогой: не в Париже ли Суворов?

– А немногим ранее, в 218-м году до новой эры, на этой же речке другой знаменитый полководец, – Ганнибал, – разбил римлян, которые в том же году и возвели Пьяченцу как укрепление на пути этого карфагенянина. Не помогло только... Это было во время Второй Пунической войны: со своим стотысячным войском он тоже перешёл через Альпы, только в другом

направлении: на пути в Италию. Представляешь? – Перейти из Испании в Италию... через Пиренеи, Альпы! И даже, говорят, со слонами!

– Да! Интересная у тебя картинка, прямо скажем! Послушай, а нельзя ли сделать с неё копию? Так хочется иметь и у себя тоже!

– За такую лекцию?! Да хоть сейчас! – и она, включив компьютер и вставив репродукцию в сканер, снова уселась на диван. – Немного надо подождать.

– Знаешь? Мне хотелось поговорить с тобой об одном... – она выглядела несколько смущённо, – ну, об этой поездке... Тогда меня на раскопках нашли. Но, как я туда попала? – задумчиво произнесла она, спрашивая то-ли себя, то-ли его. – Мне казалось, что я летела... мысленно. Ведь даже постель временами ощущала под собой! Но, ведь, это же...

– А, какие тапочки ты взяла с собой в Севастополь? – сразу «приземляя» её, спросил он. – Старые?

– Нет, я их купила накануне.

– Покажи-ка их, кстати.

– Сейчас, – и она, поднявшись с дивана, пошла за тапочками. Но они оказались совсем даже не новыми: подошвы были ободраны как тёркой, дратва порвана. В них явно ходили не по деревянному полу!

– Вот тебе и ответ на твой вопрос. Ты в этих тапочках прошла много километров по каменистой земле. А если бы летела, то они либо свалились, либо как новенькие были. Просто, произошло раздвоение сознания: тебе казалось, что мысленно летишь, оставаясь в постели, а в это время другая половина сознания управляла телом, заставляя его двигаться в том же направлении, но по земле...

– Кончай-ка ты с этим! Опасно! Хотя, может, и привлекательно. Недаром же Православие учит: надо быть «внутренним» человеком: держать своё «я» глубоко в себе, в своём сердце, – и уже оттуда смотреть на внешний мир, оттуда возносить молитвы к Богу!

– А, тогда что за цифры такие – «1012», – которые у меня перед глазами встали в последний момент? – спросила она совсем тихо.

– Н-не знаю. Скорее всего... Ну, конечно! – ты читала когда-нибудь о Херсонесе в энциклопедии?

– А, как же! И не один раз...

– Тогда прочти ещё. Это номер участка, – о нём там прямо сказано! – с которого и начались раскопки Херсонеса в 1827-м году. Вот это и засело у тебя в подсознании.

– Так, значит... всё это... – она больше не могла что-либо добавить.

– ... Ну, ладно. А вот и копия готова, – и она извлекла из принтера лист с цветной копией картины и, уложив его в пластиковую папку, протянула ему.

На следующий вечер, в Воскресенье, собрала всё для работы – завтра, она впервые после двухнедельного отсутствия должна появиться в институте, – и мысли постепенно вернули её к событиям вчерашнего дня: Картинная Галерея... домашний обед... его интересный рассказ об этой репродукции, об Италии... Она медленно подошла к картине, сняла её со стены и, установив на письменном столе так, чтобы свет настольной лампы как можно ярче осветил потемневший от времени картон, стала, усевшись поудобнее, рассматривать...

«Вот бы...» – но, тут же, вспомнив его предупреждение, вздохнула с сожалением и пошла на кухню, чайку попить перед сном. Затем вернулась...

«А! У себя дома – это же не в Севастополе!» – она закрыла на замок входную дверь, отключила звонок и телефон, чтобы не помешали невзначай, и вновь стала вглядываться в картину... Затем, закрыв глаза, приглушила мыслительный шум, – наступившая темнота медленно стала обретать определённые формы, – и перед её взором поплыли коричневатые видения внутренних покоев некоего дворца... с покрытыми резными узорами стенами. Стара-

ясь не заострять внимания на деталях, она медленно вызвала в памяти картину, изображённую на репродукции... Краски стали ярче, появилось ощущение какого-то незнакомого аромата... руки начали ощущать прикосновения к предметам...

И, вот они, первые робкие шаги! Первые шаги по земле Эмили-Романьи! Вначале ощутила под ногами твёрдые каменные плиты старой террасы. Покрытые зеленоватым налётом лишайника, они скользили, усиливая ощущение неуверенности, охватившее её вдруг.

Обернулась: комната за рамкой репродукции... диван, письменный стол... её лицо... — она как-то равнодушно всё это обвела отчуждённым взглядом — и всё это осталось там, в реальном мире.

Теперь её шаги стали более уверенны. Спустившись со ступеней террасы, медленно пошла по тропинке, ведущей с холма, заросшей редкой жёсткой травой. Обернувшись вновь, уже не увидела своей комнаты... Её взору предстал старый сельский дом: покосившиеся каменные ступени, по которым только что спустилась, вели на террасу, окружавшую постройку по всему цоколю первого этажа. Увитые диким виноградом круглые колонны террасы были все в трещинах, покрыты от сырости лишайником, а в самом доме, по-видимому, давно уже никто не жил: об этом говорили наглухо заколоченные окна и входная дверь...

«Странно! Как же я тогда попала на террасу? И, главное, — как вернусь теперь обратно?» Однако, быстро оглядев окрестности — над Паданской долиной всё выше поднималось жаркое солнце, окрашивая местность в живые яркие цвета и обещая долгий прекрасный летний день, — она успокоилась и стала глубоко вдыхать утренний воздух, напоённый ароматами южной природы, наслаждаясь открывающимися с каждым шагом дивными видами холмов, апельсиновых и масличных рощ и зарослей вечнозелёного маквиса.

Вышла на берег Треббии и пошла вдоль его по неширокой дороге, спускавшейся с холма, на склонах которого раскинулся Сан-Антонио. Дорога эта вела в Пьяченцу.

Солнце уже находилось в зените, и вся природа затихла под его палящими лучами в ожидании столь желанной вечерней прохлады. Она знала, что в здешних широтах сумерки наступают быстро и, тем не менее, не испытывала никакой тревоги. Более того, она теперь наслаждалась окружавшей её красотой, впитывая, вдыхая в себя этот пряный аромат, тишину этих холмов, склоны которых утопали в живительной прохладе виноградников! «Где-то здесь, много лет назад, Суворов опрокинул войска генерала Макдональда... Жака Этьенна Жозефа Александра». Она, вдруг, остановилась: «А разве он говорил мне, как звали этого Макдональда?» Остановилась и осмотрелась: дорога, по которой она шагала всё это время, — шла теперь... ниоткуда. Просто, вилась по берегу реки и всё. Но, вела-то она в Пьяченцу! Она это ведь точно знала. Вот и течение реки...

Вышла на берег... Но, где же река? Её не было! Она стояла на обрыве, за которым не было ничего!

Оглянувшись, вновь увидела залитые солнцем холмы. Но, где же посёлок на холмах, с которых она только что спустилась? — Посёлка не было тоже! И вот тут-то её охватило отчаянье! — Впервые.

Бросив растерянный взгляд на дорогу, она заметила в пыли какую-то вещицу, блеснувшую на солнце, шагах в двух-трёх от неё. Уже поднимая её, чтобы получше рассмотреть, вдруг увидела облачко пыли вдали... — Как раз в том месте, где дорога, делая поворот и поднимаясь на холм, скрывалась в низкорослых зарослях маквиса.

Облачко приближалось. Теперь стало ясно видно, что по дороге кто-то идёт, и довольно быстро. «Спрятаться!» — была её первая мысль. Но, куда? Бедняжка быстро вошла в тень старой смоковницы и притаилась за её стволом, чуть дыша! Тонкий аромат плодов инжира немного успокоил. Теперь она даже с некоторым интересом стала наблюдать за путником, который быстро тем временем приближался. Теперь могла даже различить некоторые детали

его одежды... Присмотревшись, с удивлением обнаружила, что на нём был современный костюм.

В следующее мгновение она узнала путника. – Это был он!

– Наконец-то! – его голос, его манеры... – Тебе надо выбираться отсюда, и побыстрее.

– Но, как? В какую сторону? – она не узнала своего голоса: он был какой-то... не такой.

– Иди по этой дороге к дому с террасой, на склоне холма. Не сворачивай только никуда! – Слышишь? – И он подробно объяснил ей дорогу. Затем исчез. Так же неожиданно, как и появился.

В понедельник, после обеда ему позвонил приятель. На работу. Его встревоженный голос, привычка запинаться при волнении... – всё это не предвещало ничего хорошего, тем более, что речь шла... – о ней:

– ... Её спутница по Севастополю тоже накануне уверяла, – всё, мол, в порядке, – а сегодня утром позвонила ей: и никто не подошёл! Затем с работы отпросилась и домой к ней съездила: тоже никто не открыл. Думали, что ты в курсе.

– Хорошо, я займусь этим, – ответил он и повесил трубку, не зная толком, что же предпринять. Он сначала позвонил ей сам – результат был тот же. Идти к ней домой не было смысла: её либо там нет, либо...

«А что, если?..» – Абсурдность этой мысли, её нестандартность, заставили его отнестись к ней со всей серьёзностью: он уже знал свою подругу. Но, как же ей помочь в этом случае? Не дождавшись конца рабочего дня, он смылся домой и уже оттуда позвонил ей снова. – Тот же результат. И тогда он решился...

Копия получилась довольно удачной: цветопередача, насыщенность... – всё как на оригинале. Правда, потускневшие от времени краски репродукции не позволяли в полной мере ощутить эффект присутствия: пришлось немного потренироваться. И вот, наконец...

Тени от ещё высоко стоявшего солнца уже стали заметно длиннее. Целый час, проведённый в пути, пока он спускался с холмов Сан-Антонио, не дал пока никаких результатов.

«Где же её искать? Да и помогут ли эти поиски, порождённые его раздвоенным сознанием?» – эти мысли не покидали его, не давали насладиться отчаянной красотой Паданской долины, ошеломляющим видом красных черепичных кровлей домишек Сан-Николо, рассыпанных словно земляника, по склонам холмов на другой стороне реки...

До него долетели пять приглушённых ударов с колокольни в Сан-Антонио. Надо поторопиться! Утолив жажду и голод гроздью спелого винограда, он уже шёл среди зарослей дикой фисташки и мирта: дорога еле протискивалась меж кустов с жёсткими листьями, петляя среди них, как удирающий заяц. После очередного поворота перед ним открылась вдруг вся Паданская долина – до зелёной полосы берега По! Эмилианская низменность как бы приглашала, манила путника своими пышными пажитями, лаская взор и вселяя в сердце тихую радость!

И тут, совсем почти рядом, – в небольшой апельсиновой рощице – он заметил её... Подошёл к ней и, не говоря ни слова, взяв за руку, повёл за собой. Она шла медленно, хотя и не сопротивляясь. Похоже, очень устала. Так они и прошли молча весь путь, до источника на склоне холма, – его рука ни на минуту не отпустила её руки...

Он откинулся на спинку стула: путешествие в окрестностях Пьяченцы изрядно его утомило. Всё. Теперь только ждать! «Где-то она сейчас?» – Набрав её номер, опять услышал в ответ лишь длинные гудки: «отключён!»

Прошло два часа. Он уже пообедал и теперь стал спокойно размышлять: вроде бы всё сделал как надо. Набраться терпения и ждать! Это всё, что он мог предпринять сейчас! Заявлять в милицию было ещё рано.

В дверь кто-то позвонил. «Не кстати несёт кого-то!» – он нехотя поднялся со стула, подошёл к двери, открыл... В первый момент не узнал: её лицо – оно скорее напоминало белую бумагу! Лишь горящие глаза да тёмные круги под ними выдавали ту бурю чувств, которую пришлось пережить этой бедной женщине!

Он провёл её в комнату, усадил на диван и принёс чашку сладкого крепкого чая. Чайник ещё не остыл.

– Где ты была? – мягко и тихо спросил он, боясь испугать своим громким голосом.

– Там... – так же тихо ответила она. – Жаль, не послушалась тебя.

– А, где ты сейчас?

– Ну, ты же сам видишь! Или за идиотку меня принимаешь? – она горько усмехнулась: – Вообще-то, похожа!

– Ты... видела меня там?

– Да.

– Мы с тобой встретились в роще... в апельсиновой. – Да? – уже более уверенно спросил он.

– В роще? Но ведь, я же стояла под одинокой смоковницей, когда ты подошёл... А потом исчез... так внезапно.

«Что ж, этого и надо было ожидать, – подумал он, глядя ей в глаза, – у нас абсолютно разные восприятия при раздвоении сознания, совершенно индивидуальные. Каждый из нас видел то, что ему хотелось.»

– Ну, да ладно, главное, что ты... вернулась, – он как-то по-особенному произнёс слово «вернулась». – Сейчас я тебя накормлю... после турпоездки, – и он направился на кухню приготовить что-нибудь. «Заморочили голову девчонке экстрасенсы эти. Да и я хорош!»

Он вскоре пригласил её на кухню, к столу. Затем вышли на улицу. Намереваясь проводить её, он, всё же, не мог отделаться от мысли, что в следующий раз его подруга вновь может попасть в такую же передрагу: ничего ведь не изменилось кардинально; и не факт, что он снова её сможет вернуть! – Как же помочь? И, главное, – чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.